

Тая Найдено

ОХОТА СО СМЫСЛОМ

На бабу Серега охотился впервые, хотя был уже опытным добытчиком.

И на зеленого медведя ходил, и на огненного ежа бывало, и на лису-тирамису силки расставлял удачно. Однажды завалил даже целого дельфина в лесу – сохатого, на каждом роге не меньше пяти отростков! А вот на бабу ходить пока не случилось.

Старшие мужики объясняли, что охотиться на бабу не опаснее, чем, к примеру, на волосатую кобру. То есть риск для жизни есть, а иногда и выжить получается. Но вся штука в том, что вот ту же кобру изловишь, сложишь в камин, разожжешь хорошенько – всю зиму тепло! И смысл понятен. И баба должна быть также – со смыслом. А иначе бери себе девку ручную да и не страдай ерундой зря!

Серега был мужик хоть и молодой, но с понятиями. Зря не страдал. Но и брать девку душа у него не лежала. Всю зиму он ходил по соседским сараям, присматриваясь к девичьим выводкам. Предлагали ему и рыжих, и черных, и золотистых, даже одну полосатую – из гибридных. Хорошенькие девки, ручные, к ногам льнут, ластятся, а все не то.

– Ну что тебе, дураку, не подходит?! – ругался дядя Галыч, сердито сплевывая чух-чух-кору. – Возьми уже первую, какая на тебя посмотрит, и воспитай под себя! Характера у девки все равно же нет – разница только с мордочки.

– Вот, может, мордочки мне и не нравятся... – бормотал Серега, и сам не особенно понимавший, в чем тут загвоздка. – Все они лисьи какие-то...

– А тебе что же – как у медведя харю надо, с пятаком и шипами?

– Не надо, как у медведя. Бабу хочу! – ответил однажды Серега решительно.

И сам тут же поверил. И понял, что не переубедится уже, пока хотя бы одну не изловит.

– Ого! Бабу ему, значит! – ответил тогда Галыч и покрутил верхнюю пару усов свирепо. – А смысл?!

– Ну на кой мне смысл, Галыч? А вот девку вашу мне точно не надо! Ни породистую, ни пятнистую, ни полосатую...

– На кой, на кой! А чтоб не рукой! – передразнил Галыч. – Дурак ты хвойный, Серега... Баба без смысла – как член без коромысла!

– А член без коромысла – как сопля повисла! – бодро отозвался Серега.

С дядей Галычем он сдружился давно, знал все его прибаутки назубок, мог и сам часами травить. А то и песню затянуть дня на три. Сказку с продолжением мог три года рассказывать – не пробовал пока, но знал точно, что смог бы. А вот без бабы, которую придумал себе по рассказам охотников, и даже место отвел ей мысленно в доме – на пушистой подстилке, у самой постели, – без этой выдуманной бабы Серега уже не мог.

Ясное дело, что Галыч, как ни противился дурной затее, но отпускать его на опасную охоту в одиночку не стал. Прихватил мешочек чух-чух-коры побольше, луковое ружье, сеть конструкции «мать-перемать» – да и двинулся на рассвете в лес вместе с Серегой. Сам Серега гордо вышагивал впереди налегке, с одной только дубиной.

На пятый день охотничьих поисков задора у них поубавилось – охота не шла. Хотя по пути и удалось защекотать пару ценных мыльных бобров, что само по себе было редкой удачей. Их ароматные тушки Галыч аккуратно уложил в свой мешочек, без сожаления распахив чух-чух-кору, над которой так трясся обычно, по грязным карманам. И тут же предложил поворачивать обратно к дому.

– Сам видишь, Серега, не идет баба, не сезон... Да и ты – без смысла, с дубиной одной! Вернемся, а там на следующий год попробуем...

Вопреки его ожиданиям Серега не спорил, не огрызнулся и не укорял. Просто кивнул молча и зашагал дальше.

– Да куда ж ты, еж-поймешь! – крикнул Галыч с досадой. – Давай хоть бобра поделим!

– Да забирай все, – процедил Серега сквозь зубы.

Дядя Галыч забежал вперед него, ухватил за плечи, остановил – и отступил, смутившись. По щетинистой щеке Сереги бежала слеза. Не скупая и прозрачная, мужская, которую прилично испустить в компании, а стыдная – личная, с теплым фиолетовым блеском.

– Эх, дурак ты хвойный... Ну ничего! Если рожа скисла – уже полсмысла! – подбодрил Галыч, отводя растроганно взгляд. – Ну, не реви! А то и я сейчас тут... что мы!... как фиолетовые эти, что ли...

И тут он присвистнул тихонько:

– Слышь, Серега?.. А мы ведь прямо на бабьей тропе и стоим! След старый, но водопой у них тут поблизости, ус даю!

– Ты б не разбрасывался усами, Галыч! Всего-то шесть штук и осталось... – пробурчал Серега, украдкой отирая щеку рукавом.

Но дядя Галыч уже не слушал его, а увлеченно шел по тропе, вглядываясь в одному ему понятные приметы. Вдруг замерев, он поманил Серегу рукой и забормотал сосредоточенно:

– А теперь слушай всерьез! Самое опасное у дикой бабы – ядовитое жало под языком. Его мы, если повезет, уже дома вырвем. А пока нужно хватать покрепче и сразу пасть ей заматывать плотно. Когти ее тоже страшные, но после них рана хоть и долго, да заживает. А вот жало – ядовитое до жути, понял?

– Понял! – кивнул Серега, чувствуя, как от азарта и страха волосы на затылке становятся колом.

– И баба должна быть дикая, чисто дикая. Если крикну, что одичалая это, – беги, не связывайся!

– Так вроде ж все они дикие, Галыч?

– Все – как дерьмо в овсе! – ухмыльнулся дядя Галыч. – Один срет, а все тянут в рот!

– Понял. Не все, значит...

– Вот то-то же! Та, которую уже ловили, а потом она опять в лес попала, – одичалая считается. И эти – как собаки лесные, опаснее волков! Хитрые до жути и мужиков уже не боятся. Ловить станешь – не поймает, а поймает – до дому не доведешь, в дом за-

тащишь – не уснешь от страха, а уснешь – не проснешься больше! Ты вообще кумекай, что не зря у нас на три сотни мужиков только у кузнеца Зверя баба и есть...

Сергея припомнил мысленно кузнеца и его суровую грудастую бабу. Девки в сараях выли и закрывали глаза от страха, когда она шла мимо, порывивая и щурясь на прохожих. В узде ее бешеный норв держал только кузнец. И если девка после смерти хозяина покорно и радостно шла в новый дом, то про кузнецову бабу все знали: случись с ним что – бед с ней не оберешься. Хорошо, если сохнет сама с тоски. А могла и взбеситься. Или сбежать в лес обратно, забыв своего кузнеца, как страшный и сладкий сон. И если однажды вдруг появится в ее дикой привольной жизни другой мужик, то припомнит она ему и все плохое, что было с кузнецом, и все хорошее, чего она с его смертью лишилась...

– Двум бабам не бывать, а одной не миновать! – гаркнул Сергей, отгоняя мрачную мысль. – Давай, Галыч, веди по тропе!

Дядя Галыч молча кивнул и повел его за собой. Бывалый добытчик, он тоже, хоть и нехотя, но поддавался азарту охоты на редкую дичь. Вот поредели немного деревья, а вот тропа, и правда, сбежала с уклоном к реке – на водопой. Тут позади слышалось шуршание с треском веток, и Галыч ухватил Сергея за ворот, увлекая за собой в укромное место за поваленным деревом.

И на тропе показались бабы. Укутанные в длинные волосы, они казались крупнее и выше привычных девок. А может – и вправду были. Взгляд Сергея пробежался по цепочке из десятка стройных фигур и разочарованно заметался. Бабы были интересны, по-своему хороши, но ни одна из них не стоила ни пятидневного похода, ни долгих ночевок на сырой весенней земле, ни даже прорвы чух-чух-коры, употребленной за время этой охоты. Хорошо хоть, что попался тот мыльный бобер, и домой теперь идти не с пустыми руками!

И тогда появилась она. Не выше и не толще других, те же руки да ноги, а только – другая. И за то, чтобы именно эта лежала на его пушистой подстилке, казалось простым и разумным отдать всех мыльных бобров этого леса и пол-Галыча в придачу. Сергей прикрыл глаза и понял, что не может вспомнить ни масти ее, ни цвета глаз, ни хорошенькой мордочки. А только вся она стояла

у него перед глазами – как лес, как весеннее солнце над лесом, как мир – целиком.

– Берегись, Серега, я одичалую вижу... – прошипел Галыч, и стало ясно, что он давно уже тормозит младшего охотника, пиная в плечо.

– Не страшно, Галыч... Все путем... – откликнулся Серега рассеянно. – Главное, что свою бабу я приметил! Она! Ус даю...

– Нет у тебя еще усов!

– Твой ус даю, Галыч, – она!

– А ну, ткни пальцем, которая...

– Эта! – указал Серега радостно.

И тут Галыч, забыв про все, как новичок в первый раз на охоте, встал во весь рост и крутанул ладонью у виска, проорав с досадой:

– Дурень ты хвойный! Одичалую бабу он приметил! Тьфу! Ты еще медведем камин растопи, а бобрами будем воду носить, да?!

Спугнутые криком бабы сбились в стайку у воды и взволнованно зашипели, поправляя длинные волосы. И только одичалая – та самая, его лес, солнце и мир – вышла вперед, сердито оскалив белые клыки и щуя злые глаза.

– Эта! – снова сказал Серега, прямо глядя охотнику в лицо и чувствуя, что не сможет и не захочет отступить.

– Мать-перемать! – завопил Галыч. – Да мать-перемать!!!

Серега не сразу понял, что то не обычная прибаутка, а команда подать немедленно хитроумную сеть. А одичалая баба тем временем уже мчалась на них с оскаленной пастью, выставив длинные когти, и он, несмотря на весь страх, любовался ею с почти хозяйственной гордостью. Как хороша была посадка головы, как упруго перепрыгивала она препятствия и ловко приземлялась, как заораживал свет расширенных в ярости глаз, как блестели густые роскошные волосы...

А все же Серега был опытным охотником. И успел растянуть сеть «мать-перемать», и перехватить дубину в руке поудобнее. Но и баба оказалась хитра, безошибочно выбрав Галыча как жертву попроще. Прыгнув на охотника, она повалила его наземь и впилась острыми зубами в открытую шею. Галыч рычал и брыкался, пытаясь оторвать ее от себя, но баба держалась крепко, как жручий репей. Пожалуй, тут бы и оборвалась славная жизнь

лучшего в этих краях шутника, не подоспей Серега вовремя набросить сеть...

«Мать-перемать» делалась из кукожи и была хороша тем, что выбраться из нее не мог никто. Кроме, конечно, самого охотника, вязавшего сеть и точно знавшего, в каких укромных местах крепкие кукожные узлы соединены обычной кожей. Надрежь там и сям – и сеть слетит, как и не было. Впрочем, случалось и охотнику попадать в собственную «мать-перемать» так крепко, что и тайных узлов не найдешь, и со стыдом звать на помощь товарищей.

Но только никто не спешил одичалой бабе на помощь, и скрутившая ее сеть держалась крепче, чем нос на лице, – не сорвешь. Сообразив это, баба перестала кататься по земле, зато исхитрилась и на редкость метко плюнула Галычу в глаз, чем напугала его до полусмерти.

– Ах ты ж ядовитая тварь! – взвыл охотник. – Серега, помру я теперь! Век волка не видать – сдохну! Дай хоть зубы ей напоследок выбью, гадине!

– Ну дай гляну... ну какого ежа ты воешь, Галыч? Глаз цел, не течет, не краснеет... ни следа яда не вижу!

– Тогда, может, и выживу... – смирился Галыч внезапно, но тут же дернулся и ухватился рукой за свою в кровь искусанную шею. – Давай теперь зубы ей бить!

– Не дам, – ответил Серега так тихо, что сразу стало ясно: не даст.

– Ну так дай хоть посмотрим, что за дичь ты тут на меня добыл, как на приманку! Ах, хорошо, крепко ее сетью скукожило!

– Вроде крепко, – согласился Серега. – Ослабить бы...

– Ты слабину не давай раньше времени, успеешь еще! Вон, смотри, говорю же тебе – одичалая... и ошейник на ней, и браслет на ноге хозяйский...

Обойдя кругом сеть с пойманной одичалой, Галыч поморщился и сердито зажевал горсть чух-чух-коры, добытую из кармана. Затем обернулся к реке, где по-прежнему стояли дикие бабы. Часть из них с любопытством и беспокойством поглядывала на мужиков, будто волнуясь, что будет дальше. А остальные уже плескались в воде, и длинные пряди волос плыли за ними, как ленивые змеи.

– Так, выходит, я все-таки со смыслом ходил – раз баба споймалась? – спросил Серега. – Старшие мужики ведь учат, что без смысла – никак... Дядь Галыч, когда же смысл нашелся?!

– Смысл, смысл, – передразнил Галыч. – Выеживаются мужики перед молодежью. Из всех нас бабу-то один кузнец Зверь изловил... А ты его спрашивал про этот смысл?

– Нет... – растерялся Серега.

– А я вот – спрашивал!

– И что кузнец говорит?

– Что нет никакого смысла. И не было никогда. Ни в чем вообще. И что когда понимаешь вот это – будто пустая дыра в тебе появляется, аккуратно размером с тебя. А потом – если не сопьешься, конечно, и если зеленый медведь не заест! – заполняешь эту дыру, чтобы как-нибудь опять... быть, что ли... Бабой заполняешь себя и Делом, которое для людей! Нет, постой... Или людьми для Дела?.. Запутал меня чертов кузнец!

– Так, значит, смысл – в бабе? – неуверенно переспросил Серега.

– Да откуда в бабе смысл?! В ней смысла не больше, чем в мыльном бобре! Или в тебе вот... Ты мыльным бобром когда моешься – пена идет?

– Ну...

– Воот! Это значит, что ли, что в бобре – пена?

– Да ну... нет пены в бобре, Галыч!

– Ага! В тебе, значит, пена-то?

– Да и во мне нету...

– А откуда берется? Девается куда? Как запасти ее?

– Да как пену запасешь?!

– Воот! Никак. Вот и нет пены. Смысла то есть. Иногда только бывает.

– От бобра?

– Когда от бобра, когда от бабы, но чаще от Дела случается... Так что давай, пока эта одичалая в сети надежно спутана, делом займемся – дубина у тебя крепкая, осмыслим ею нормальную бабу какую-нибудь!

– Нет уж! Я – эту хочу.

– Я те яйца кручу, потому что хочу! – взвился Галыч. – Вот заладил! Нормальные ж бабы вон на водопое, девки почти! А ну, тресни одну, какая на тебя смотрит!

– Ни-на! – закричала вдруг одичалая баба и снова задергалась, как бешеная. – Ни-на... на!

– Собачья похоть, зуб мне в локоть! – проорал Галыч то ли с ужасом, то ли с восторгом. – Еще и говорящая! Ну тебе везет – как лишай ползет! Видно, и кличку свою помнит – Нина...

– Ни-на-да! – повторила баба чуть тише и четче, мотнув головой.

Сергеа сделал осторожно пару шагов, опустился перед ней на колени и медленно протянул руку ладонью вверх. Маленькая ладонь, протянувшаяся навстречу сквозь сеть, оказалась мягкой и легкой пены. Баба положила свою руку поверх Сергеиной, и он кивнул Галычу:

– Эта!

– Не надо, значит, – усмехнулся Галыч, расправляя усы. – Значит, эта... Так вот что я тебе скажу, дурак ты хвойный!..

– Ну?

– А скажу я, что весь мыльный бобер, что мы с тобой добыли, – теперь мой! Порадую свой старый зад и другие печенки! А ты теперь пену вон из бабы своей добывай!..

Сергеа улыбнулся, готовясь ответить Галычу в тон, но тут все трое вздрогнули одновременно и втянули головы в плечи от дикого рыка и стога, разнесшегося над лесом. Мощному первому голосу вторил другой – не менее звериный, а все же тоньше и звонче.

– Зеленый медведь по весне гуляет, – пояснил Галыч, выдыхая спокойно. И подмигнул, ухмыляясь: – Похоже, со смыслом!

